

ДѢТИ ВЪ ПОСМЕРТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Л. Н. Толстого.

Одно изъ самыхъ поэтическихъ мѣстъ въ посмертныхъ произведеніяхъ Л. Толстого—это вступленіе къ повѣсти «Хаджи Муратъ». Авторъ передаетъ, какъ у него появилось желаніе написать исторію «Хаджи Мурата». Онъ шелъ полями, передъ самымъ началомъ уборки хлѣбовъ, съ большимъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, и вотъ его вниманіе привлекъ «чудный, малиновый, въ полномъ цвѣту репей».

«Мнѣ вздумалось сорвать этотъ репей и положить его въ середину букета. Я слѣзъ въ канаву и, согнавъ впившагося въ середину цвѣтка и сладко и вяло заснувшего тамъ мохнатаго шмеля, принялся срывать цвѣтокъ. Но это было очень трудно: онъ былъ такъ страшно крѣпокъ, что я бился съ нимъ минутъ пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконецъ, оторвалъ цвѣтокъ, стебель уже былъ весь въ лохмотьяхъ, да и цвѣтокъ уже не казался такъ свѣжъ и красивъ... Я пожалѣлъ, что напрасно погубилъ цвѣтокъ, который былъ хорошъ въ своемъ мѣстѣ, и бросилъ его... Какая, однако, энергія и сила жизни, подумалъ я, вспоминая тѣ усилія, съ которыми я отрывалъ цвѣтокъ... Какъ онъ усиленно защищалъ и дорого продалъ свою жизнь»...

Мысль, которою проникнута етъ картина, конечно, не впервые у насъ высказана Толстымъ, но ему была она особенно близка. Онъ всегда былъ вѣренъ своему поэтически-философскому культу природы. Такое же поэтически-философское отношеніе было у Толстого и къ дѣтямъ. Среди прекрасныхъ снимковъ, приложенныхъ къ тремъ томамъ его посмертныхъ сочиненій, чрезвычайно умѣстно помѣщено изображеніе его среди деревенской дѣтвора, безъ всякой робости обступившей того, кто, заставивъ міръ слушать свои слова, думалъ, что ему самому нужно учиться у крестьянскихъ дѣтей.

Дѣти для Толстого—неизсякаемый источникъ правды, къ сожалѣнію, часто возмущаемый ложью взрослыхъ; цвѣты жизни, нерѣдко сбиваемые грубой ногой путника.

Давно было отмѣчено, что Толстой по преимуществу изобразитель здоровыхъ, нормальныхъ натуръ. Дѣти въ его произведеніяхъ наиболѣе здоровыя, наиболѣе нормальныя натуры.

Замѣчательно, однако, что въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя напечатаны теперь, послѣ его смерти, постоянно встрѣчаются типы, скорѣе напоминающіе Достоевскаго, чѣмъ прежняго Толстого. «Живой трупъ», «Діаволъ», «Записки сумасшедшаго» — ужъ сами заглавія говорятъ за себя. Думается, что эта особенность посмертныхъ сочиненій Толстого находится въ какой-то психологической связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти сочиненія, созданныя въ тиши и спрятанныя отъ глазъ публики, полнѣе другихъ, съ полнотой и ясностью неожиданными отразили на себѣ весь разладъ, весь «надрывъ», какъ сказалъ-бы Достоевскій, всѣ противорѣчія и ненормальности собственной жизни Толстого.

Въ нашей литературѣ есть писатель, который какъ-то постоянно вносилъ художественныя поправки къ сочиненіямъ Толстого. Это В. Г. Короленко.

Одинъ говорилъ о сопротивленіи злу, другой указывалъ на необходимость скорбнаго пониманія зла; одинъ изображалъ дѣтей Ясной Поляны съ мечтами о зеленой палочкѣ, другой вызывалъ дѣтей подземелья, высушенныхъ сѣрымъ камнемъ.

Но вотъ являются посмертныя произведенія Толстого, и намъ становится совершенно очевидно, что подъ внѣшнимъ покровомъ гармоничности великій писатель земли русской таилъ много, слишкомъ даже много тяжелыхъ, гнетущихъ образовъ. Читателю памятно, конечно, такія картины въ прежнихъ сочиненіяхъ, какъ мечты Николеньки Иртеньева, запертого въ чуланъ, униженнаго и оскорбленнаго наказаніемъ. Но тамъ все-таки общій смыслъ разсказа выраженъ въ заголовкѣ: «Перемелется, мука будетъ». Нѣчто новое находить читатель во вновь изданныхъ «Запискахъ сумасшедшаго».

Сумасшедшій, отъ имени котораго ведется разсказъ, вспоминаетъ первыя предвѣстья его несчастія. Это было въ дѣтствѣ. Онъ ложится спать. Ему хорошо подъ одѣяломъ, ему пріятно думать, что онъ любитъ всѣхъ, и всѣ его любятъ, всѣ любятъ другъ друга. «И всѣ любятъ, и всѣмъ хорошо».

«И вдругъ я слышу, вбѣгаетъ экономка и съ сердцемъ кричитъ что-то объ сахарницѣ, и няня съ сердцемъ говоритъ, что она не брала ея. И мнѣ становится больно, и страшно, и непонятно; и ужасъ, холодный ужасъ находить на меня, и я прячусь съ головой подъ одѣяло. Но и въ темнотѣ одѣяла мнѣ не легчаетъ. Я вспоминаю, какъ при мнѣ разъ били мальчика, какъ онъ кричалъ, и какое

страшное лицо было у Фоки, когда онъ его билъ... И тутъ на меня нашло. Я сталъ рыдать, рыдать, и долго никто не могъ меня успокоить. Вотъ эти-то рыданія, это отчаяніе были первыми припадками моего теперешняго сумасшествія». Второй припадокъ случился послѣ разсказа тети о мученіяхъ Христа. Тетя разсказала, какъ Его распяли, били, мучили, а онъ молился и не осудилъ ихъ.

— Тетя, за что же его мучили?

— Злые люди были.

— Да вѣдь онъ былъ добрый?

— Ну, будетъ, уже девятый часъ. Слышите?

— За что они его били? Онъ простилъ, да за что они били?

Больно было? Тетя, больно ему было?

— Ну, будетъ, я пойду чай пить!

— А можетъ быть, это неправда, его не били?

— Ну, будетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходи...

И на меня опять нашло. Я рыдалъ, рыдалъ, потомъ сталъ биться головой объ стѣну».

Это были припадки. Начало сумасшествія опредѣлилось много лѣтъ спустя, когда разсказчику вдругъ стало стыдно и мерзко пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ, основывать свою выгоду на нищетѣ и горѣ людей. Жена сердилась, ругала его. Ему же стало радостно.

«Полное сумасшествіе» началось черезъ мѣсяцъ послѣ этого, въ церкви, послѣ умиленной молитвы и проявилось въ рѣшеніи все раздать нищимъ, все сдѣлать для того, чтобы не было нищихъ.

Минуемъ возможность комментировать автобіографическое значеніе этого мѣста и отмѣтимъ лишь одно: взрослые говорятъ дѣтямъ о любви, о христіанскихъ добродѣтеляхъ, но имъ некогда углубить свои добродѣтельные поученія, и хуже того—примѣромъ своимъ они разрушаютъ то, что исповѣдуютъ на словахъ. Нужно пройти черезъ припадки, нужно переступить грани нормальнаго поведенія, стать сумасшедшимъ («Идіотомъ!»), чтобы послѣдовать за идеаломъ истины, воспринятымъ безъ оговорокъ и компромиссовъ.

Поэтому взрослые, родители сознательно или инстинктивно избѣгаютъ выясненія дѣтямъ сущности религіознаго, нравственнаго, правового, политическаго, всякаго идеала и ограничиваются формальностью.

Наступилъ праздникъ Вознесенья. Няня нарядилась, мальчика одѣли въ новую рубашечку и ведутъ въ церковь. «А что значитъ вознесся? На крыльяхъ полетѣлъ? Куда полетѣлъ?

Мать (улыбается). Всего нельзя понять, надо вѣрить.

Мальчикъ. Чему?

Мать. Тому, что говорятъ старшіе.

Что жъ послѣ этого остается мальчику? Спросить:

«А послѣ обѣдни будетъ шоколадъ?»

(«Дѣтская Мудрость. О религіи»).

Самыя маленькія дѣти—самые послѣдовательные мудрецы, но ихъ вопросы напоминаютъ взрослымъ пословицу: «Всякій дуракъ задаетъ такіе вопросы, что и тысячи мудрыхъ не отвѣтятъ, но надо бы сказать: не дуракъ, а всякій ребенокъ». («О богатствѣ»).

Мальчику шести лѣтъ и пятилѣтней его сестренкѣ тяжело слышать крикъ голоднаго крестьянскаго ребенка. Они не хотятъ ѣсть принесеннаго имъ молока, несмотря на успокоительныя слова няни: «Не наше это съ вами дѣло, а вы кушайте... Развѣ можно всѣхъ уравнять? Кому Богъ далъ. Вамъ, вашему папашѣ Богъ далъ».

— «Отчего Онъ имъ не далъ?»

— Зачѣмъ же Ему такъ угодно?»

Отъ авторитета небесной воли няни переходитъ къ авторитету болѣе близкому: «Вотъ я папѣ скажу».

Съ любовью къ крошечнымъ человѣколюбцамъ, но все-таки и со смѣхомъ древній старикъ—крестьянинъ вмѣшиваясь въ разговоръ; его слова «Богъ велитъ пополамъ дѣлать» очень понравились дѣтямъ. «Вырастемъ большіе, такъ и сдѣлаемъ», рѣшаютъ они, и Петя очень доволенъ, что онъ прежде сестры такъ сказалъ: «Такъ сдѣлаю, чтобы никого бѣдныхъ не было».

(«Разсказъ для дѣтей»).

Когда ребенокъ рѣшаетъ и записываетъ свое рѣшеніе «нада быть добрымъ», онъ не знаетъ оговорокъ и не обманывается показной добротою. Хорошо, что мама дала нищей старухѣ свою юбку, и чайку, и денегъ, но «отчего не давать, когда есть. Намъ не нужно, а ей нужно». («О добротѣ»).

Въ вопросахъ общей морали дѣти не менѣе сильные оппоненты взрослымъ и опять же не потому, что у нихъ очень развитой умъ, а лишь потому, что у нихъ отсутствуетъ фальшь, не получаемая отъ природы, а благопріобрѣтаемая съ жизнью въ современномъ обществѣ. Встрѣча съ нищимъ вызываетъ у взрослыхъ желаніе сказать нѣсколько внушительныхъ словъ о необходимости труда: Тѣ, кто шляется и не хочетъ работать—всегда бѣдны. Богаты только тѣ, кто работаетъ. Но у шестилѣтняго Васи уже готовъ вопросъ:

«Отчего-же мы не работаемъ, а богаты?»

Конечно, мать и отецъ увѣряютъ его, что работа работѣ рознь, есть работа не столь замѣтная, но очень важная. «Моя работа,—говоритъ отецъ,—чтобы васъ всѣхъ кормить, одѣвать, учить».

«Да вѣдь и у него тоже,—не унимается Вася. «За что же ему надо ходить такимъ жалкимъ, а мы вотъ такъ»...

«Вотъ такъ самородный социалистъ», смѣясь прерываетъ его отецъ, а мать съ большимъ педагогическимъ тактомъ замѣчаетъ, что дуракъ или ребенокъ задаютъ такіе вопросы, которыхъ не разрѣшить тысячѣ мудрецовъ. («О богатствѣ»).

Есть вопросы, отъ которыхъ тщательно оберегаютъ родители своихъ дѣтей, но тѣхъ сама жизнь просвѣщаетъ. Сосѣдніе ребята плачутъ: отца въ острогъ ведутъ; дядя Прохоръ напился и Марьюткину мамку бьетъ; Гаврилу на войну посылаютъ, а ему не хочется дѣтей своихъ оставлять...

Все вопросы: зачѣмъ остроги, зачѣмъ монополюшка, зачѣмъ война? Если говорятъ, что царь все можетъ, то почему бы ему не распорядиться, чтобы никто не воровалъ, и чтобы ребята не плакали, а давали бы всѣмъ и все, что нужно, и всѣмъ было бы хорошо. А если, съ другой стороны, начальство можетъ ошибаться въ наложеніи наказанія, и его самого за это наказываетъ царь, но царь тоже можетъ ошибаться и зато ждетъ наказанія отъ Бога, то почему люди не предоставляютъ одному Богу наказывать и тѣхъ, кто уведетъ корову?

— Отчего?

— Оттого...

— Поумнѣй люди думали, да не придумали.

Деревенскимъ умамъ не справиться съ этими: «почему?» и «отчего?» Спросить бы учителя, напр., почему виномъ запрещено торговать только теткѣ Акулинѣ, а казна торгуетъ да еще огромный барышъ беретъ. Учитель говоритъ, что безъ этого дохода не на что было бы содержать ни войска, ни училища, да вѣдь «если это всѣмъ нужно, такъ отчего же прямо бы не брать это на нужные дѣла, а зачѣмъ черезъ вино?»

— «Какъ черезъ вино? Затѣмъ, что, значитъ, такъ положено. Ну, ребята,—собрались, разсаживайтесь». («О пьянствѣ»).

Такъ обходится дѣло въ деревнѣ, а вотъ и городская сценка. Уже не народный учитель, а профессоръ, да еще при этомъ либеральный профессоръ бесѣдуетъ съ военнымъ прокуроромъ о вредѣ излишняго примѣненія смертной казни. Въ разгарѣ спора у взволнованнаго до послѣдней степени профессора вызываетъ улыбку наивный вопросъ его сына: «Папа, отчего же въ десяти заповѣдяхъ сказано: не убивать?» Профессоръ наскоро старается отдѣлаться отъ сына: «Разумѣется, но надо понимать, почему и когда можно... Ну, война, ну, злодѣй всѣхъ убиваетъ. Какъ же его такъ и оставить и не наказывать».

Федѣ все-таки хочется знать, отчего же всегда нельзя поступать по Евангелію.

«Отчего нельзя?»

Петръ Петровичъ. А оттого. (Обращается къ Ивану Васильевичу, который улыбается, слушая Федю). Такъ вотъ я, почтенный Иванъ Васильевичъ, и не могу и не могу признать пользу исключительныхъ положеній и военныхъ судовъ!.. («О смертной казни»).

Ни Петру Петровичу, ни Ивану Васильевичу нечего обращать вниманія на Федю; они между собой могутъ столковаться на почвѣ научныхъ соображеній, а ему еще нужно учиться. Выучится—пойметъ. Но съ ученіемъ не все благополучно. Первые начала ученія близки дѣтямъ, а потомъ они чувствуютъ, что ихъ учатъ не тому, чему нужно бы учить. «Какія-то Калифорніи. На чорта мнѣ ихъ знать!», разсуждаетъ гимназистъ, котораго не соблазняютъ перспективы «служить, чины получать, жалованье, какъ вотъ папаша, дядюшка».

Мать въ отчаяніи. Измучилъ ее сынъ. «А все оттого, что онъ думаетъ не о томъ, что должно, а объ своихъ глупостяхъ: объ собакахъ, объ курахъ».

Но здѣсь семилѣтняя Катя ловить маму:

— Да какъ же, мама, помнишь, ты сама мнѣ рассказывала, какъ нельзя не думать объ бѣломъ медвѣдѣ?

— Не про то я говорю, а просто, что надо учиться, когда велятъ... надо слушаться. Смотри, и ты такъ же не дѣлай.

— А я именно такъ и хочу. Ни за что не стану учиться, чему не хочу.

— И будешь дура.

Катя не унимается: «Няня говоритъ, что и дураки, и дуры Богу нужны». («О воспитаніи»).

Въ дѣтской неспособности воспринять противорѣчивые догматы взрослыхъ маленькіе герои Л. Толстого заявляютъ, что они, наконецъ, и вырасти не хотятъ, если вырасти—значитъ, понять необходимость войны, законность неравенства людей и т. д. Но дѣти все-таки растутъ и... начинаютъ принимать эти условные, лживые догматы современной общественности.

Шестилѣтній Вася «самородный социалистъ», не спуская глазъ, смотритъ на нищаго и приводитъ въ затрудненіе родителей своими вопросами, а взрослые дѣти тутъ же играютъ безмятежно въ теннисъ. Старшіе мальчики поучаютъ восьмилѣтнюю Машу на тему о необходимости національной розни и находятъ, что она по упрямству не хочетъ ихъ понять. 12-ти-лѣтній Макарка явно считаетъ глупою Мароушку, которая никому бы не велѣла водкой торговать,

если бы царемъ была. Старшій Тишка солидно объясняетъ младшему Семкѣ значеніе суда уголовного. 15-ти-лѣтній реалистъ и 16-ти-лѣтній классикъ спорятъ о преимуществахъ реальныхъ или классическихъ знаній. Классикъ побиваетъ реалиста указаніемъ на то, что практическія знанія прилагаются и къ бомбамъ революціонеровъ, но оба они вмѣстѣ прекращаютъ «глупое» вмѣшательство двухъ малышей, спрашивающихъ, гдѣ изучаются такія науки, «чтобы жить хорошо».

Наташа, по своему дѣтскому разуму, согласна съ мужикомъ Павломъ, что дурашныя деньги идутъ на танцовщицъ, а Севичка гимназистъ шестого класса, восклицаетъ: «Что значить необразованность! Для него и Бетховенъ, и Віардо, и Рафаэль—все вздоръ». Восемилѣтній Миша не понимаетъ, зачѣмъ люди издають какую-то газету «Правду» и газету «Истину для всѣхъ», и папѣ тошно дѣлается отъ «Истины», а дядѣ тошно отъ «Правды». Но Володя, 14-ти-лѣтній гимназистъ, считаетъ это недоумѣніе пустымъ и понимаетъ, что «Правда» и «Истина» нужны для свободы печати. Маленькій Ваня счастливъ, когда онъ простилъ обидчика Гришу и плакалъ вмѣстѣ съ нимъ слезами радости, а старшая сестра Маша называетъ его за это «ужаснымъ дуракомъ».

13-ти-лѣтній Семка, старшій въ цѣлой компаніи деревенскихъ ребятъ, обсуждающихъ вопросъ о тюрьмахъ, произноситъ цѣлую рѣчь противъ «конокрадовъ проклятыхъ».

«Что ему острогъ! На всемъ готовомъ, сиди, посиживай. Кабы я царь былъ, я бы зналъ, какъ съ этими конокрадами обойтись. Я бы ихъ отучилъ. А то ему что. Сидитъ, посиживаетъ съ такими же молодцами. Другъ друга научаютъ, какъ лучше воровать».

Маленькой Палашкѣ, которая бы устроила для всѣхъ хорошо, если бы она была царицей, Семка насмѣшливо говоритъ: «Ты, царица, смотри не разсыпь свои грибы, а то ужъ очень шустра».

Наша критика опредѣляетъ художественную цѣнность посмертныхъ сочиненій Толстого, наша читающая публика съ помощью критики разберется въ своихъ впечатлѣніяхъ, но наша педагогическая мысль не можетъ не остановиться съ особымъ вниманіемъ на томъ матеріалѣ, который, пожалуй, и ускользаетъ изъ вниманія при общемъ обзорѣ этихъ сочиненій. Художественные типы дѣтей, дѣтская наивность, счастливое дѣтство—все извѣстно по нашей литературѣ. Но съ рѣдкою настойчивостью Л. Толстой какъ будто говоритъ намъ въ своемъ завѣщаніи-наслѣдствѣ: Берегите дѣтей; они чисты, но и дѣтская чистота можетъ померкнуть; они наивны, но изъ ихъ наивности есть исходъ и въ сумасшествіе, и въ нравственное помраченіе.

Одно изъ самыхъ мрачныхъ произведеній Толстого «Фальшивый купонъ» представляетъ какую-то лавину обмана, злобы, насилія, всѣхъ пороковъ, и первый толчекъ этой лавинѣ данъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ минуты озлобленія на отца, который не сумѣлъ «пожалѣть, разспросить», а только накричалъ на сына.

Въ переживаемый нами моментъ намъ слишкомъ часто приходится видѣть еще одинъ конецъ дѣтской наивности—самоубійство. Л. Толстой не говоритъ о немъ, но, вѣроятно, только потому, что для него мало имѣеть значенія продолженіе или прекращеніе физическаго существованія, когда искажено или умерло нравственное начало въ человѣкѣ.

Толстой изъ-за могилы напоминаетъ намъ, что намъ надобно подумать, какъ бы стряхнуть съ дѣтства ту мглу, которая повисла надъ нимъ. Гдѣ средства? Одно указываетъ маленькая Тоня, которая не хочетъ имѣть больше двухъ дѣтей, когда вырастетъ и «женится».

«А то развѣ хорошо? дѣти есть, а ихъ не любятъ».

Любовь—великое дѣло. Мудрое соображеніе высказала пятилѣтняя крошка.

Но есть и другія соображенія, ближайшимъ образомъ нужныя русскимъ людямъ.

Ихъ можно бы, кажется, найти въ тѣхъ мѣстахъ сочиненій Л. Толстого, которыя для печатнаго изданія замѣнены краснорѣчивыми многоточіями. Ихъ и комментировать приходится многоточіями...

С. Золотаревъ.